

Когда они вернулись из сада, уже совсем стемнело. В вилле один за другим зажглись тёплые светильники, разливая мягкое сияние, а слуги уже приготовили ужин.

На длинном обеденном столе в европейском стиле стояли изысканные блюда. Фарфоровые тарелки блестели чистотой, еда радовала и видом, и запахом: обжаренные свежие овощи, наваристый суп со свиными рёбрышками, свинина чар сиу в медовой глазури — всё то, что любил Лу Чжиянь. Над блюдами вился пар, аромат наполнял всю столовую.

Лу Чжиянь сидел в инвалидном кресле во главе стола. Взяв серебряные приборы, он неторопливо и изящно ел. Всё это время он молчал, смотрел холодно и отстранённо, ни на кого не поднимая глаз. Ледяная аура вокруг него совершенно не сочеталась с уютным теплом за столом.

Су Няньань стоял рядом и прислуживал, опустив руки по швам. Сесть он не смел, пошевелиться — тоже. От голода в животе тихо заурчало, и хотя звук был едва слышен, щёки всё равно вспыхнули. Ему оставалось лишь терпеть и сжимать край одежды, скрывая неловкость.

Он знал, что не имеет права есть вместе с Лу Чжиянем. Нужно было дождаться, пока тот закончит, а потом отправиться за холодными объедками, оставшимися после слуг. За время в доме Лу это правило давно стало для него привычным.

Тётушка Чжан стояла у входа в столовую, скрестив руки на груди, и с презрением смотрела на Су Няньаня. Она уже прикидывала, какие жалкие объедки оставить ему потом, и даже чистую миску давать не хотела.

Лу Чжиянь съел несколько кусочков и положил приборы. Фарфоровая ложка тихо звякнула о тарелку. Он посмотрел на стоявшего рядом старого дворецкого и ровным голосом распорядился:

— Сегодня приготовили слишком много. Всё не съесть.

Старый дворецкий на мгновение замер, но тут же понял, что имеет в виду хозяин, и почтительно склонился:

— Да, господин.

Взгляд Лу Чжияня скользнул по Су Няньаню, стоявшему в углу, и на мгновение задержался на его худой фигуре, после чего сразу ушёл в сторону. На лице не дрогнул ни один мускул, а в голосе не было ни капли эмоций, словно речь шла о пустяке:

— Пусть он ест. Выбрасывать жалко.

Слуги вокруг на мгновение застыли и переглянулись. Лицо тётушки Чжан стало особенно мрачным. Она недовольно скривила губы, но возразить не посмела и лишь осталась стоять на месте.

Су Няньань тоже оцепенел. Он резко поднял голову и недоверчиво посмотрел на Лу Чжияня. В расширившихся глазах было одно изумление — точь-в-точь у испуганного оленёнка.

Он никогда не думал, что Лу Чжиянь позволит ему есть блюда со стола, что позволит ему сесть и поужинать. О таком он не смел даже мечтать.

Он был уверен, что и дальше будет есть остывшие объедки, как прежде. Думал, что никогда не получит права прикоснуться к этой красивой еде, что всегда будет стоять в углу и ждать, пока все закончат, чтобы подобрать остатки.

От его взгляда Лу Чжияню стало не по себе. Он нахмурился, и голос сразу похолодел, наполнившись нарочитым раздражением и неприязнью, словно сказанное только что вырвалось случайно и вовсе не означало, что он специально оставил еду Су Няньаню.

— Чего уставился? Слуги просто приготовили лишнее. Только потому и разрешаю тебе поесть, что выбрасывать жалко. Не выдумывай лишнего.

Он специально подчеркнул каждое слово, пряча всю заботу за холодной отговоркой. Не хотел признавать, что намеренно оставил еду для него, не хотел признавать непонятное смягчение в своём сердце и тем более не хотел, чтобы кто-то заметил эту перемену.

Су Няньань поспешно опустил голову и отвёл взгляд. В душе поднялась кислая, щемящая боль, но вместе с ней появилось и непонятное тепло, словно тёплая вода тихо потекла по самому мягкому месту в сердце.

Он знал, что Лу Чжиянь не умеет говорить прямо и всегда холоден. Но даже такая отговорка вызвала в его сердце лёгкую рябь, которая долго не исчезала.

Он медленно подошёл к столу. Сесть ближе к хозяину он не осмелился и устроился только в самом дальнем углу. Стул был холодным. Су Няньань осторожно сел, выпрямился, взял приборы и стал есть так тихо, что почти не издавал ни звука.

Еда на столе ещё была горячей и пахла так аппетитно, что кружилась голова. Ничего настолько вкусного он прежде не пробовал. Тёплая пища опускалась в желудок и словно разгоняла накопившийся внутри холод.

Он ел медленно и осторожно, боясь хоть чем-то зашуметь. Почти не брал себе блюд, довольствуясь овощами, стоявшими перед ним. Даже за кусочком мяса тянулся лишь после долгих колебаний, опасаясь рассердить Лу Чжияня.

Он понимал: Лу Чжиянь не пытался сделать ему добро, ему просто было жаль выбрасывать еду. Но и этого Су Няньаню уже хватало.

По крайней мере, сегодня не придётся есть ледяные объедки, голодать и, забившись в угол, грызть затвердевший холодный рис.

Лу Чжиянь сидел во главе стола и украдкой наблюдал за Су Няньанем краем глаза.

Он видел, как тот осторожно ест, как напряжены его худые плечи, как скованы движения, как он пережёвывает маленькими кусочками и не смеет поднять головы. Странное чувство снова поднялось внутри лёгкими пузырьками, но Лу Чжиянь тут же силой подавил его.

Он убеждал себя, что просто не хотел переводить продукты, что сказал это мимоходом и вовсе не потому, что ему есть дело до Су Няньаня.

Лу Чжиянь поднял стакан и сделал глоток воды, скрывая перемену во взгляде. Лицо оставалось таким же холодным, будто человек, сидевший в углу и евший ужин, был всего лишь незначительным слугой.

До конца ужина он больше не сказал Су Няньаню ни слова и ни разу на него не посмотрел, спрятав всё своё несоответствие между словами и чувствами за ледяной маской.

Су Няньань молча ел, а на душе было одновременно тепло и горько.

Он знал, что не должен придавать этому значения, знал, что Лу Чжиянь лишь случайно распорядился так сделать, но всё равно не смог удержаться и запомнил эту крошечную крупицу тепла — словно маленькую конфету, которую можно спрятать в самом глубоком уголке сердца.

<http://bllate.org/book/20587/2058869>